

Толки объ Л. Н. Толстомъ.

(Психологическій этюдъ.)

По плодамъ ихъ вы узнаете ихъ.

Толки объ Л. Н. Толстомъ продолжаются. Начались эти толки уже давно, лѣтъ десять или двѣнадцатъ назадъ, вскорѣ послѣ окончанія *Анны Карениной*; они быстро усилились и потомъ стали постояннымъ, непрерывнымъ явленіемъ. Мы къ нимъ даже совершенно привыкли и уже не замѣчаемъ, какъ много тутъ удивительнаго, ничуть не думаемъ, что передъ нами, можетъ-быть, происходитъ событіе величайшей важности. Припомнимъ, когда же бывало что-нибудь подобное? Малѣйшія извѣстія о томъ, что пишется и какъ живется въ Ясной Полянѣ, газеты помѣщаютъ наравнѣ съ наилучшими лакомствами, какими онѣ угощаютъ своихъ читателей, т.-е. наравнѣ съ политическими новостями, съ пожарами и землетрясеніями, скандалами и самоубійствами. И мы потомъ ежедневно треплемъ своими языками имя знаменитаго писателя съ неменьшимъ усердіемъ, и обыкновенно съ такимъ же, хладнокровіемъ, какъ имена Бисмарка или Вильгельма II. Но мы знаемъ, на этой болтовнѣ дѣло не останавливается. У многихъ, особенно у молодыхъ лю-

дей, на Л. Н. Толстого устремлено серьезное, душевное вниманіе.

И это не у насъ только дома. Извѣстность Л. Н. Толстого стала истинно всемірною; о немъ пишутъ и за нимъ слѣдятъ во всѣхъ образованныхъ странахъ. Каждая его новая повѣсть сейчасъ переводится на разные языки, каждая театральная піеса ставится на сценѣ, переводится каждая страница даже старыхъ неконченныхъ рукописей, какъ-нибудь попавшая въ руки ревностныхъ почитателей, переводятся и чужія разсужденія, которыя онъ одобрялъ и снабдилъ своимъ предисловіемъ. И это дѣлается никакъ не по одной усилившейся фабрикаціи празднаго чтенія. Во Франціи, въ Германіи, въ Англии, въ Америкѣ,—вездѣ писанія Л. Н. Толстого возбуждаютъ живѣйшій интересъ, порождаютъ толки и споры. Можетъ-быть, со временъ Вольтера не было писателя, который производилъ бы такое сильное дѣйствіе на своихъ современниковъ.

Тутъ есть чему подивиться и о чемъ задуматься. Правда, бываетъ слава фальшивая, бываютъ всесвѣтно громкія имена, которыя потомъ забываются; но обыкновенно человѣчество не ошибается въ своей любви и въ своемъ удивленіи. Упорно, неотвратно привязываются умы къ тому имени, подъ которымъ имъ почуялось истинное величіе, явился предметъ достойный истиннаго поклоненія. Вотъ почему поэтъ такъ рѣшительно сказалъ:

И намъ ужъ то чело священо,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.

Славное имя всегда есть любопытная задача для нашихъ мыслей. Иногда въ прославленіи обнаруживается только настроеніе читателей и зрителей, создающихъ себѣ кумиръ по своему вкусу; но обыкновенно даже сумасбродный энтузіазмъ, даже фанатическое гоненіе или превознесеніе какого-нибудь человѣка имѣютъ свое основаніе въ самомъ этомъ человѣкѣ и его дѣятельности. Если мы станемъ старательно вникать въ дѣло, мы непременно откроемъ въ немъ

важный вопросъ, глубокой поворотъ умовъ, или обнаруженіе душевныхъ силъ, далеко превосходящихъ обыкновенную мѣру.

I.

Отчего такъ знаменитъ Л. Н. Толстой? На этотъ вопросъ многіе сейчасъ такъ отвѣтятъ: оттого, что онъ написалъ гениальныя художественныя произведенія, *Войну и миръ*, *Анну Каренину*. Это настоящая причина его извѣстности; безъ этого никто не обратилъ бы вниманія на тѣ плохія разсужденія, которыя онъ сталъ потомъ писать. Онъ прославился именно какъ великій художникъ, и вотъ теперь носятся съ каждой страницей, которую онъ напишетъ, разбираютъ его наставленія, принимаютъ ихъ въ руководство для жизни, хотя всѣ эти писанія ничего не стоятъ и составляютъ для него просто стыдъ, а не славу. Такъ отвѣчаютъ одни, а другіе идутъ еще дальше. Онъ великъ какъ художникъ, говорятъ они, а по тому самому мы не читаемъ его разсужденій и не хотимъ обращать на нихъ вниманіе. Художнику слѣдуетъ оставаться художникомъ, и онъ не можетъ ничего хорошаго сдѣлать, если беретъ не за свое дѣло.

Легко однако замѣтить, что всѣ эти рѣчи принадлежать людямъ, желающимъ непременно осудить послѣдній періодъ дѣятельности Л. Н. Толстого. Они хватаются за его огромную художественную славу, чтобы такъ или иначе обратить ее *противъ* него, сдѣлать изъ нея орудіе, подрывающее его авторитетъ. Они часто увѣряютъ при этомъ, что они даже необыкновенно любятъ Толстого-художника, но за то Толстого-мыслителя терпѣть не могутъ.

Добрые люди, повторяющіе подобныя рѣчи, конечно, сами не замѣчаютъ, что они пускаютъ въ дѣло очень жалкую уловку, очень наивное лицемѣріе. Во-первыхъ, можетъ-быть, большую долю всемірной извѣстности Толстого нужно приписать не его художественнымъ произведеніямъ, а именно тому религиозно-нравственному перевороту, который въ немъ совершился и смыслъ котораго онъ стремился выра-

зять и своими писаніями, и своею жизнью. Какъ бы мы ни судили объ этомъ переворотѣ, но, очевидно, образованный міръ былъ пораженъ зрѣлищемъ человѣка, въ которомъ съ такою силой, безо всякихъ внѣшнихъ толчковъ, сказались вѣчные запросы души человѣческой. Нужно отдать людямъ честь: никакое литературное мастерство не могло привлечь ихъ любопытства и уваженія въ такой степени, какъ та душевная исторія, которая совершилась и совершается предъ ихъ глазами въ Ясной Полянѣ. Даже въ тѣхъ, кто такъ постоянно и такъ усердно порицаетъ Толстого, есть, очевидно, какое-то живое чувство, заставляющее ихъ съ жадностію слѣдить за всѣмъ, что онъ дѣлаетъ и думаетъ.

Что же касается до противоположенія между художникомъ и мыслителемъ, то это былъ бы чрезвычайно легкій и простой выходъ изъ затрудненія, почему за этотъ выходъ и хватаются упорные люди. Но, какъ я сказалъ, они въ этомъ случаѣ только лицемѣрятъ вольно и невольно. Не любить художественныхъ произведеній Толстого, не можетъ цѣнить ихъ глубокаго духа и содержанія тотъ, кто не понимаетъ, какъ тѣсно они связаны съ его новыми писаніями. Тѣ самыя начала, которыя онъ теперь проповѣдуетъ, безсознательно жили въ немъ всегда и составляли душу всего, что онъ тогда писалъ. На каждой страницѣ его рассказовъ можно видѣть, что выше всякой красоты для него всегда стояла красота душевная, что эту красоту онъ видитъ въ „простотѣ, добротѣ и правдѣ“, что истинное мужество состоитъ для него въ терпѣннн и преданности, что истинная любовь всегда для него цѣломудренна, и что самыя смиренныя люди ему являются прекраснѣе самыхъ великихъ героевъ. Долго очаровывалъ насъ Толстой этими картинами, и долго самъ былъ очарованъ ими. Но, наконецъ, онъ какъ будто вдругъ опомнился на верху славы и счастья и съ изумленіемъ взглянулъ на себя и на другихъ. Онъ какъ будто спросилъ себя: развѣ все это забава? Развѣ можно жить, не зная твердаго пути жизни? Для чего я живу и пишу, если не нашель этого пути и не могу указать его другимъ?

И онъ съ отчаяніемъ сталъ искать этого пути, влагая въ это исканіе всю свою умственную силу. Тогда для него получила новое, неизмѣримо болѣе глубокое значеніе вся та красота души, которою онъ прежде только безопасно любовался. Изъ эстетика онъ обратился въ нравственнаго проповѣдника; но содержаніе его художественныхъ образовъ и его практическихъ наставленій осталось въ сущности одно и то же. Толстой, можно сказать, подписалъ для насъ и для себя нравученіе подъ тѣми баснями, которыя прежде рассказывалъ.

И какъ не видѣть, что сдѣлать это было и полезно, и даже совершенно необходимо! Теперь вѣдь стало ясно для всѣхъ и для самого автора, что эти неподобныя художественныя произведенія, въ которыхъ повсюду разлито самое высокое и чистое нравственное чувство, не дѣйствовали на читателей такъ, какъ должны были дѣйствовать. Когда мнимые любители этихъ произведеній изливаются въ восторгахъ отъ ихъ красотъ и вмѣстѣ отворачиваются отъ нравственныхъ наставленій художника, они только доказываютъ или свое непониманіе, или извращеніе своего эстетическаго вкуса. И, слѣдовательно, Толстой не могъ и не долженъ былъ ограничиться однимъ искусствомъ. Странно подумать, *Анну Каренину*, это глубоко цѣломудренное произведеніе, иные сумѣли такъ читать, что въ нихъ возбуждались только нечистыя чувства и мысли. Они любовались картинами роскошной жизни и пробѣгающихъ по ней вспышекъ чувственности и разврата. Понятно, что художникъ не захотѣлъ больше подобнаго эстетическаго поклоненія. Онъ написалъ *Крейцерову сонату*, онъ такъ беспощадно избивалъ нашу нечистую жизнь, что ошибиться въ его мысли уже было невозможно.

Любители литературы часто упрекаютъ Толстого за то, что онъ теперь пишетъ не одни художественныя произведенія, да если и создаетъ что-нибудь художественное, то не вноситъ въ дѣло полного своего искусства. Для этихъ любителей, очевидно, не имѣетъ никакого значенія внут-

реннѣй переворотъ, совершившійся въ художникѣ,—такъ мало имъ дорогъ этотъ художникъ, такъ мало они цѣнятъ и понимаютъ самый глубокой нервъ его дѣятельности!

Но для понимающихъ между двумя половинами дѣятельности Толстого нѣтъ разлада и нельзя дѣлать противоположенія; напротивъ, одна половина поддерживаетъ и поясняетъ другую. Кто вникнетъ въ его нравственныя наставленія, для того вдругъ открывается самый глубокой и драгоценный смыслъ его художественныхъ произведеній, тѣ тайныя и иногда еще неясныя для самого художника побужденія, которыми оживлялось его творчество. И наоборотъ, чтобы точно понять направленіе и духъ его послѣднихъ поученій, мы можемъ и должны обращаться къ его чисто художественнымъ созданіямъ, гдѣ этотъ духъ раскрывался еще спокойно, еще безъ порыва и волненія, и потому высказывался часто съ великою тонкостію и правдой, хотя прежде многіе видѣли въ этомъ только одну роскочъ еще неслыханнаго художества. Такъ мы должны поступать, если хотимъ быть вполне справедливыми къ Толстому. Не цѣпляться за мелкіе недостатки и обмолвки, не ловить мелкія и второстепенныя противорѣчія, а брать его въ цѣломъ составѣ его дѣятельности, понять и прослѣдить тотъ единый духъ, который проникаетъ все, что онъ творилъ, думалъ и дѣлалъ. Предъ нами огромное явленіе, которому, по его размѣрамъ и значенію, трудно найти подобное во всей исторіи всемірной литературы.

II.

Все дѣло въ томъ, чтобы найти правильную точку зрѣнія на Толстого, отыскать тотъ центръ, которымъ управляютъ его мысли и дѣйствія, изъ котораго поэтому хорошо видна ихъ связь и порядокъ.

Этотъ центръ, эта исходная точка всѣхъ его стремленій есть не что иное, какъ евангельское ученіе. Если мы хотимъ понимать Толстого, то прежде всего должны смо-

трѣтъ на него, какъ на нѣкотораго христіанина, на одного изъ послѣдователей Христова учения.

Чрезвычайно странно, что этотъ важнѣйшій пунктъ всего дѣла обыкновенно вовсе не приходитъ на мысль цѣнителямъ и порицателямъ, что они не видятъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, существеннаго вопроса, который нужно разсмотрѣть самымъ тщательнымъ образомъ. Естественно, положимъ, что этотъ вопросъ не занимаетъ тѣхъ, кто на всякую религію смотритъ съ пренебреженіемъ; но ревнителей христіанства, казалось бы, должно глубоко интересовать религіозное настроеніе Толстого. Не видно однако, чтобъ они надъ этимъ задумывались; съ самымъ легкимъ сердцемъ они лишаютъ его имени христіанина, какъ будто такое лишеніе не великая обида, и бываютъ готовы, по всякому попавшемуся поводу, приписать ему мнѣнія и чувства совершенно противоположныя христіанскимъ.

Между тѣмъ, многіе-ли изъ насъ имѣютъ больше правъ называться христіанами, чѣмъ Толстой? Напомню здѣсь исторію его обращенія, которую всѣ знаютъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ знать, но въ которую очень мало вникаютъ. Какъ онъ самъ говоритъ, онъ былъ сперва нигилистомъ, т.-е. не имѣлъ никакихъ религіозныхъ убѣжденій, да не имѣлъ, въ противоположность обыкновеннымъ нигилистамъ, и никакихъ политическихъ убѣжденій. И онъ не былъ въ этомъ случаѣ какимъ-нибудь исключеніемъ; такихъ нигилистовъ у насъ было и есть великое множество. Онъ жилъ тогда не столько правилами и мыслями, сколько своими чувствами и вкусами, и художественная дѣятельность, казалось, давала полный исходъ его душевнымъ силамъ. Вдругъ наступилъ переворотъ. Среди полного благополучія, когда слава его поднялась высоко, богатый, знатный, здоровый, окруженный любящею семьей, онъ вдругъ почувствовалъ пустоту земнаго счастья, почувствовалъ съ такою силой, что пришелъ въ отчаяніе. Невольно приходитъ на мысль сближеніе съ тѣмъ царевичемъ, который основалъ буддизмъ. Уже это одно отчаяніе Толстого должно

быть для насъ великимъ религіознымъ поученіемъ, и оно, безъ сомнѣнія, такъ и дѣйствуетъ на многихъ, оно для нихъ убѣдительный примѣръ, что ничто земное не можетъ насытить душу человѣка и что нужно обратиться къ небесному, къ религіи. А противники Толстого, считающіе себя настоящими христіанами должны бы серьезно спросить самихъ себя, точно-ли они чувствуютъ всю тщету земныхъ благъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ ее чувствовалъ?

Съ какою силой онъ почувствовалъ свою бѣду, съ такою же силой онъ сталъ искать отъ нея спасенія. Онъ отдался этому исканію всѣмъ сердцемъ и всею душой. Очень скоро онъ увидѣлъ, что отвлеченныя умствованія и мертвыя книги не дадутъ ему успокоенія, и онъ выбралъ другой, *живой* путь, чѣмъ далъ намъ новое поученіе. Онъ сталъ искать вокругъ себя людей, которые знаютъ, зачѣмъ жить и какъ умирать, слѣдовательно людей истинно и твердо вѣрующихъ, и нашелъ ихъ въ русскомъ простомъ народѣ. Пусть не забудутъ ревнители христіанства, въ какой великой школѣ обучался вѣрѣ графъ Толстой. Они должны согласиться, что въ выборѣ этой школы имъ руководило глубокое религіозное пониманіе. Наши образованные классы таковы, что не могли дать ему того, чего онъ жаждалъ. Онъ обращался ко всѣмъ, онъ спрашивалъ о вѣрѣ Каткова, Аксакова, митрополита Макарія, но не былъ вполне удовлетворенъ ихъ отвѣтами; только у простыхъ людей онъ несомнѣнно нашелъ ту мудрость, которая утаена отъ мудрыхъ и разумныхъ и открыта младенцамъ. Каковы бы ни были убѣжденія Толстого, но при оцѣнкѣ ихъ никогда не слѣдуетъ забывать, что они развивались подъ вліяніемъ, можно сказать, наилучшаго христіанскаго элемента, какой только есть въ мірѣ. Долгіе годы Толстой провелъ въ близкомъ и постоянномъ общеніи съ простымъ народомъ, къ которому онъ и всегда чувствовалъ особенное влеченіе. Тутъ онъ учился, какъ „по божьему“ жить, мыслить и чувствовать. А къ этому нужно еще прибавить, что такую школу проходилъ человѣкъ, одаренный геніальнымъ поэтическимъ чуть-

емъ, способный видѣть всѣ душевные изгибы и глубины. Лучше кого бы то ни было онъ могъ понять и усвоить основы народнаго благочестія, и по всему этому, какъ бы мы ни были расположены искать у него ошибокъ и преувеличеній, но мы, безъ сомнѣнія, должны признать въ немъ живое и могущественное проявленіе той самой религіозности, которая одушевляетъ русскій народъ. Иностранные писатели часто говорятъ, что Толстой былъ обращенъ къ религіи однимъ изъ нашихъ раскольниковъ. Это не вѣрно; но понятно, что въ глазахъ иностранцевъ два различныя явленія подходятъ подъ одну формулу, подъ ту черту глубокой вѣры, которую знаетъ весь міръ за Россіей.

На этомъ дѣло, однако же, не могло остановиться. Такъ или иначе, но Толстой, конечно, не могъ ограничиться дѣтскою и простодушною вѣрой народа; неизбѣжно должны были возникнуть старанія привести ее себѣ къ сознанію, облечь ее въ ясныя понятія. Онъ сталъ читать богословскія книги, принялся изучать Священное Писаніе и посвятилъ на это много времени, много напряженнаго труда. Когда-то прежде онъ ради Гомера выучился погречески; теперь это знаніе пригодилось, чтобы вникать въ подлинникъ Евангелія, и онъ выучился поеврейски, чтобы точно такъ же читать въ подлинникъ Ветхій Завѣтъ. И тутъ не должны-ли мы поставить его себѣ въ примѣръ и образецъ? Кто изъ насъ, изъ тѣхъ, которые считаютъ себя настоящими христіанами и упрекаютъ его въ заблужденіяхъ, кто на столько заинтересованъ своимъ христіанствомъ, чтобы прилежно изучать Библию и писанія богослововъ? Мы предаемъ всякой любознательности, но меньше всего мы любознательны къ тому, что считаемъ, будто бы, самымъ важнымъ для себя предметомъ. Толстой показалъ, какъ должны бы мы вести себя въ этомъ отношеніи, если бы были истинно религіозными людьми.

Наконецъ извѣстно, что онъ измѣнилъ образъ своей жизни, что онъ старается на дѣлѣ выполнять свои новыя убѣжденія. Но тутъ, конечно, мы не можемъ произнести полного

сужденія, ибо это его личное дѣло, которое очень трудно цѣнить и разбираться, даже если бы мы имѣли на то какое-нибудь право и возможность. Тутъ отъ насъ легко могутъ укрыться самая существенныя стороны, и мы что-нибудь побочное и случайное примемъ, пожалуй, за самое главное. Достоверно и ясно только то, что онъ непрерывно дѣлаетъ усилія и попытки новой жизни. Всѣмъ извѣстно его отречение отъ мірскихъ благъ, этотъ внѣшній признакъ поворота; внутренніе же его подвиги не могутъ быть извѣстны и, можетъ-быть, останутся навсегда тайной между нимъ и Богомъ.

Если теперь мы соединимъ вмѣстѣ всѣ указанныя черты, то предъ нами окажется полный образъ истинно религіознаго человѣка, притомъ образъ яркій и величавый. Среди нашей, въ сущности, языческой жизни, среди равнодушія къ религіи и невѣрующихъ и вѣрующихъ, онъ показалъ намъ, какую силу можетъ и должна имѣть для человѣка религіозная идея. И такъ какъ онъ притомъ великій художникъ, такъ какъ всѣми симпатіями и мыслями онъ сливается съ народнымъ нашимъ благочестіемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ составляетъ одно изъ глубочайшихъ и замѣчательнѣйшихъ явленій религіознаго духа. Люди преданные религіи, ставящіе духовную жизнь выше всего, должны смотрѣть на него и съ уваженіемъ, и съ величайшимъ любопытствомъ. Въ немъ они навѣрное найдутъ для себя много поучительнаго и назидательнаго, чего уже никакъ нельзя найти у тѣхъ, которые называютъ себя настоящими христианами, но о вѣрѣ никогда не думаютъ, предоставляя эту заботу духовнику, а въ жизни спокойно плывутъ туда, куда дуетъ вѣтеръ.

III.

„Все это такъ, — скажутъ намъ, — но вѣдь Толстой умствуетъ и по-своему толкуетъ тексты; онъ — не вѣрующій, а рационалистъ“.

Но, во-первыхъ, кто же не рационалистъ? Какъ Мольеровскій мѣщанинъ былъ очень удивленъ, узнавъ, что гово-

рить прозой, такъ, безъ сомнѣнія, многіе ревнители вѣры не подозрѣваютъ, что рационализмъ вообще есть дѣло неизбѣжное, и что сами они на каждомъ шагу оказываются рационалистами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна благочестивая дама, живущая въ далекой глуши, спрашивала меня: „Объясните мнѣ, за что всѣ такъ бранятъ Толстого?“ — „Больше всего за то, — отвѣчалъ я, — что онъ по-своему толкуетъ Евангеліе.“ — „Ахъ, Боже мой! — возразила она, — да вѣдь и я его толкую по-своему, какъ понимаю, и нянюшка Михайловна тоже какъ понимаетъ, такъ и объясняетъ. Мы обѣ постоянно читаемъ Евангеліе, но у насъ тутъ не у кого и спросить, вѣрно-ли мы поняли“. Признаюсь, это возраженіе на минуту сбило меня, и этотъ случай остался въ моей памяти, какъ самая простая формула вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ тексту Священнаго Писанія. Не слѣдовало-ли мнѣ сказать этимъ двумъ читательницамъ, что онѣ подвергаются большой опасности ложно понять слова Евангелія, и что имъ нужно запастись богословскими сочиненіями, устанавливающими правильное истолкованіе? Но вѣдь богословскія сочиненія были бы для нихъ въ тысячу разъ менѣе понятны, чѣмъ само Евангеліе. А потомъ, и это главное, для меня было внѣ всякаго сомнѣнія, что эта дама и ея безподобная Михайловна никогда евангельскихъ словъ не истолкуютъ и не могутъ истолковать въ дурномъ духѣ. Слѣдовательно, дѣло не въ томъ, что мы пускаемся въ собственныя объясненія и умствованія, а въ томъ, съ какимъ духомъ мы приступаемъ къ чтенію Писанія, чего мы въ немъ ищемъ. Многіе, какъ извѣстно, убѣждены, что это чтеніе вообще опасно. „Изученіе Священнаго Писанія вовсе не такъ легко и требуетъ головы не менѣе сильной, чѣмъ изученіе какой-либо другой науки. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ плохое пользованіе текстами Откровенія“ *). Если бы такъ, если бы только „сильныя головы“ способны были надлежащимъ образомъ понимать

*) См. *Русское Обозрѣніе*, 1890, декабрь, стр. 895.

тексты Писанія и вполнѣ безопасно ими пользоваться, то намъ слѣдовало бы признать очень вредною дѣятельность всѣхъ, кто такъ ревностно распространяетъ Писаніе среди самыхъ темныхъ слоевъ народа. По счастью, все это дѣло имѣетъ совершенно другой видъ. Не умомъ постигается главный смыслъ Писанія, а сердцемъ, всѣми живыми силами нашей души. Кто приступаетъ къ Писанію съ тѣмъ религіознымъ чувствомъ, искра котораго таится въ самыхъ простыхъ и темныхъ душахъ, тотъ найдетъ въ божественной книгѣ пищу для этого чувства, и тѣмъ больше пищи, чѣмъ сильнѣй и глубже его чувство.

Всѣ мы отчасти рационалисты, потому что во всякомъ дѣлѣ мы неизбѣжно разсуждаемъ, а если разсуждаемъ, то, значить, прибѣгаемъ къ какимъ-нибудь началамъ и приемамъ разума, и даже всегда стараемся проводить эти приемы и начала какъ можно дальше. Но быть вполнѣ рационалистомъ, т.-е. опираться на одинъ только разумъ, едва-ли кто можетъ, почему люди, стремящіеся къ полному рационализму, обыкновенно отличаются лишь тѣмъ, что больше другихъ отрицаютъ и сомнѣваются. Если обратимся къ Толстому, то, конечно, онъ началъ съ рационалистическаго отрицанія и сомнѣнія; но уже давно онъ пришелъ къ образу чувствъ и мыслей, которыя нельзя назвать рационализмомъ.

Онъ повѣрилъ въ Евангеліе, онъ всѣмъ сердцемъ почувствовалъ и призналъ надъ собою власть Христова ученія. Поэтому, тогда какъ для рационалиста Евангеліе есть книга на ряду съ другими книгами и слова этой книги подлежатъ обсужденію наравнѣ со всякими другими человѣческими словами,—для Толстого эти слова есть высшій авторитетъ, несравнимый ни съ какимъ другимъ. Онъ не смотритъ на ученіе Христа объективно, не подвергаетъ его какой-нибудь исторической или психологической критикѣ: онъ всѣмъ умомъ и сердцемъ стремится къ одной лишь цѣли—понять это ученіе, уразумѣть ту высочайшую правду, которая въ немъ заключается и которая уже влечетъ за собою исполненіе естественно и неизбѣжно. Онъ прилежно ищетъ въ

словахъ Христа указаній для жизни и потомъ слѣдуетъ этимъ указаніямъ—

Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался

И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную.

Да мало сказать и *безропотно*: нужно сказать—*радостно*, какъ тотъ, кто съ ужасомъ чувствовалъ, что не знаетъ и не можетъ узнать, куда идти, и кого вдругъ вывели на прямой и ясный путь къ родному дому.

Развѣ это живое и сердечное отношеніе къ евангельской проповѣди похоже на рационализмъ? Чтобы яснѣе увидѣть разницу, возьмите настоящихъ рационалистовъ, возьмите лучшаго изъ нихъ—Ренана. Мы всѣ его читали, и конечно съ несравненно большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, чѣмъ Толстого. Итакъ, припомните, что Ренанъ по временамъ относится къ Христу съ явнымъ чувствомъ своего умственного превосходства. Онъ признаетъ, что это былъ человѣкъ высшаго разряда (*un homme supérieur*), и очень восхищается Его нравственными качествами; но относительно людскихъ дѣлъ и хода историческихъ явленій Ренанъ открываетъ въ Немъ слѣды незнанія и непониманія, и замѣчаетъ объ этомъ съ нѣкоторою высокоумною снисходительностію.

Ничего подобнаго этой жалкой „игрѣ ума“, этимъ жалкимъ обобщеніямъ и отвлеченіямъ, вы не найдете у Толстого. Для него Христосъ есть явленіе единственное и несравнимое, есть живое лицо, въ которомъ воплотилась высшая истина. Для него судить и критиковать Христа есть нелѣпое пустословіе, а слѣдуетъ дѣлать одно—съ открытымъ сердцемъ вникать въ Его жизнь и слова, потому что кто вникнетъ, тотъ и предастся имъ всею душой.

Опять скажу: нашъ великій художникъ подаетъ намъ всѣмъ великій примѣръ. Своимъ гениальнымъ чутьемъ онъ понималъ, какъ праздно и мертвенны всѣ отвлеченныя толкованія и изученія; онъ перешелъ отъ всякихъ разсужденій и изслѣдованій къ живой любви, къ радостной, сердечной покорности. Такой переходъ долженъ быть всегда цѣлью и концомъ исканія истины.

Величайшую несправедливость и величайшую обиду Толстому дѣлають тѣ, которые говорятъ и печатають, что онъ проповѣдуетъ „новую вѣру“, что онъ сочинилъ „новое евангеліе“. Конечно, его противники посредствомъ такого приѣма сразу выигрываютъ дѣло,—кто же захочетъ предпочесть Христовой вѣрѣ другую вѣру и другое евангеліе? Но къ подобнымъ вещамъ самъ Толстой не подавалъ никакого повода. Онъ постоянно твердить, что исповѣдуетъ только ученіе Христа и что желаетъ объяснить Христово Евангеліе, а не возвѣститъ что-нибудь новое.

IV.

Мы вовсе не хотимъ разбирать здѣсь какія-нибудь ученія Л. Н. Толстого, не хотимъ ни защищать ихъ, ни опровергать. Пусть это дѣлають другіе, какъ скоро сознають, что они достигли яснаго пониманія дѣла и что могутъ сказать о немъ что-нибудь твердое и хорошее. Наша цѣль гораздо проще и легче: мы хотѣли бы только указать на самыя ясныя и несомнѣнныя черты дѣла, на самыя очевидныя и неизбѣжныя точки зрѣнія, на которыя долженъ становиться всякій, кто берется судить объ этомъ дѣлѣ. Читая и слушающа безчисленные толки о Толстомъ, часто нельзя не изумляться тому, въ какихъ потемкахъ живутъ люди относительно важнѣйшихъ вопросовъ, и можно только радоваться, если наконецъ эти вопросы стали для нихъ вопросами, если наконецъ они вынуждены отдавать себѣ въ нихъ отчетъ. Но сила потемокъ очень велика; поэтому у многихъ, вмѣсто умственнаго и нравственнаго возбужденія, часто все ограничивается однимъ упорнымъ непониманіемъ и оканчивается совершенно несправедливымъ негодованіемъ и пренебреженіемъ. Очень любопытная черта: нападенія и крики на Толстого у насъ несравненно распространеннѣе и жесточе, чѣмъ за границей, въ странахъ давняго образованія. Тамъ, очевидно, есть привычка, такъ сказать, къ теоретической терпимости, тамъ приучились не отказывать разномыслящимъ въ уваженіи. Мы же, русскіе, будучи на практикѣ

самымъ терпимымъ народомъ въ мірѣ, на словахъ и въ мысляхъ встрѣчаемъ всякое разногласіе съ какимъ-то ожесточеніемъ и безпощадно его отвергаемъ. Противъ Толстого съ воплемъ подымаются люди, не замѣчающіе, что сами они не имѣютъ никакого права подавать голосъ въ религиозныхъ и нравственныхъ вопросахъ. И какъ только разъ началось осужденіе, то ужъ безъ разбора на гениальнаго писателя взводится нелѣпость за нелѣпостію, и обвинители не подумаютъ, что нужно бы тщательно изучать его писанія, вникать въ духъ и связь его рѣчей, прежде чѣмъ рѣшиться приписывать ему даже малую долю того, что они приписываютъ.

Когда укоряютъ его въ томъ, что онъ по своему пониманію религіи, по совѣтамъ нравственности, или даже по жизни, — плохой христіанинъ, невольно хочется сказать инымъ укоряющимъ: кто изъ васъ лучше, тотъ пусть первый бросить въ него камень. „Онъ искажаетъ догматы“. Но развѣ за то, что мы этого не дѣлаемъ, мы стоимъ большой похвалы? Мы вѣдь ихъ не искажаемъ только потому, что во все о нихъ не думаемъ, что мы въ сущности совершенно къ нимъ равнодушны и предоставляемъ ихъ пониманіе и истолкованіе другимъ людямъ. Только поэтому мы и воображаемъ, что имѣемъ право считать себя настоящими православными. Мы не говоримъ и не размышляемъ о догматахъ, а потому, конечно, никакъ не можемъ исказить ихъ.

Но вѣдь въ строгомъ смыслѣ и этого сказать нельзя. Мы все-таки пускаемся иногда вспоминать и опредѣлять догматы, и такъ какъ всѣ мы невѣжды въ церковномъ ученіи, то мы неизбежно его искажаемъ; если хорошенько допросить насъ о нашемъ пониманіи религиозныхъ истинъ, то оказалось бы, что, почти безъ исключенія, каждый изъ насъ еретичествуетъ въ томъ или въ другомъ пунктѣ. И мы спасаемся отъ ереси только однимъ, только тѣмъ, что не придаемъ никакого значенія собственнымъ словамъ и мыслямъ, что мы готовы отказаться отъ нихъ по первому требованію.

Итакъ, все наше преимущество предъ Толстымъ со-

стоитъ въ томъ, что мы не проповѣдуемъ того, что думаемъ, и даже, еще лучше, что мы вовсе не думаемъ о чемъ-нибудь такомъ, что нужно бы проповѣдывать. Единственно поэтому мы признаемъ себя хорошими христианами, да поэтому же ревнители вѣры, если и не одобряютъ насъ, то, по крайней мѣрѣ, закрываютъ на насъ глаза и не считаютъ нужнымъ о насъ тревожиться. Между тѣмъ развѣ все это хорошо? Развѣ мы получаемъ въ силу этого какое-нибудь право судить и осуждать Толстого? Въ глазахъ людей преданныхъ религіи Толстой долженъ имѣть передъ нами великое преимущество, потому что онъ одушевленъ истинно религіозною ревностію. Ошибается-ли онъ, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ онъ знаетъ, что онъ исповѣдуетъ, онъ долго объ этомъ думалъ, онъ долго и прилежно изучалъ самые источники вѣроученія. Чтобы намъ съ нимъ поравняться, чтобы приобрести право судить его не съ чужого голоса, намъ нужно дѣлать то самое, что онъ дѣлалъ. И, безъ сомнѣнія, въ образованныхъ классахъ иные почувствовали эту обязанность, такъ что, благодаря Толстому, кое-гдѣ началось чтеніе и изученіе Евангелія. Но большинство, конечно, осталось нетронутымъ; они продолжаютъ кричать и порицать Толстого, сами не зная хорошенько за что, въ сущности же за то, что онъ нарушаетъ ихъ покой, тревожить ихъ невѣдѣніе и равнодушіе.

V.

Главное дѣло относительно Толстого, однако же, не въ догматахъ. Если мы хотимъ быть справедливыми къ Толстому и судить его съ надлежащей точки зрѣнія, то должны видѣть, что центръ его ученія составляютъ не какие-нибудь догматы, а христіанскія правила жизни, изложеніе и объясненіе нашихъ обязанностей. Онъ проповѣдникъ не какой-нибудь теоріи, а *практическаго христіанства*, учителя нравственности. Сюда тяготеютъ всѣ его мысли, и если мы не будемъ имѣть этого въ виду, то мы ничего въ немъ не поймемъ.

Напримѣръ, если мы находимъ, что онъ что-нибудь отрицаетъ (а отрицаніе чаще всего ведетъ къ ошибкѣ, какъ замѣтилъ Лейбницъ), то мы заранее должны предполагать, что онъ дѣлаетъ это не изъ простаго скептицизма, не ради какой-то борьбы съ авторитетомъ, а потому, что видитъ въ отрицаемомъ помѣху чисто нравственному настроенію. Предъ такимъ стремленіемъ, передъ такою постановкой вопроса мы не можемъ не почувствовать уваженія и вниманія. Ибо нравственность есть дѣйствительное мѣрило человѣческаго достоинства и верховная точка зрѣнія. Никто не обязанъ имѣть высокій умъ, и всѣ обязаны имѣть чистую совѣсть. Всякія человѣческія соображенія, всѣ наши желанія и блага должны отступить на второй планъ предъ стремленіемъ къ нравственному совершенству. Да какъ скоро человѣкъ завидѣлъ этотъ путь и одушевленъ нравственною силой, онъ уже не можетъ быть покорень никакою иною мудростію никакимъ инымъ могуществомъ. Для нѣкоторыхъ философовъ, напримѣръ, для Канта, нравственное чувство составляетъ самый источникъ религіи, и изъ требованій этого чувства они выводятъ религіозныя истины.

Именно съ этой стороны преимущественно намъ слѣдуетъ разсматривать Толстого. Нужно прежде всего видѣть въ его писаніяхъ ихъ нравственное содержаніе вообще, а затѣмъ, опредѣленнѣе, ихъ стремленіе къ христіанскому нравоученію, какъ къ высшему и окончательному. Все, что сюда не относится, теоретическія истолкованія и практическія отрицанія, уже имѣютъ у Толстого второстепенное значеніе, и, не въ мѣру останавливаясь на нихъ, мы только затемнимъ дѣло. Поэтому, если кто непременно желаетъ опровергнуть Толстого, тотъ пусть не ловитъ его на ошибочныхъ взглядахъ на природу Бога, міра и людей, на тѣ или другія слова Писанія, а пусть доказываетъ, если можетъ, что Толстой проповѣдуетъ дурныя нравственныя начала, что онъ не понималъ и извратилъ христіанское нравоученіе. Нѣкоторыя духовныя лица (можетъ-быть, впрочемъ, вѣрнѣе было бы здѣсь поставить вмѣсто множественнаго—единственное число) по-

няли, что именно въ этомъ заключается вопросъ о Толстомъ; но, къ несчастію, правильно поставивъ вопросъ, они сейчасъ же сошли съ вѣрнаго пути, принявшись съ непонятною легкостью приписывать Толстому всевозможныя дикости. Какъ и почему это дѣлается, дѣйствительно трудно понять. Дѣло доходить до того, что, по случаю увѣщаній Толстого жить въ деревнѣ, говорили, что онъ ограничиваетъ всѣ потребности человѣка ѣдою и питьемъ, а по случаю *Крейцеровой сонаты*—что онъ чуть-ли не совѣтуетъ убивать невѣрныхъ женъ, или, по крайней мѣрѣ, совершенно оправдываетъ Познышева. Въ этой сумятицѣ истинно дикихъ сужденій, вихремъ поднявшихся и кружащихся около Толстого, прежде всего ясно одно,—до какой степени онъ противорѣчить ходячимъ понятіямъ, установившемуся складу мыслей, и до какой степени онъ поразилъ умы, разбудилъ ихъ и встревожилъ. Одинъ изъ его противниковъ, и притомъ очень жестокихъ, хорошо выразилъ это впечатлѣніе. „Что намъ дѣлать,—воскликаетъ онъ,—въ виду этой страшной Медузиной головы, этого колоссальнаго, какъ по силѣ и полнотѣ, такъ и по совершенному отсутствію основаній (?), осужденія всего нашего бытія (*т. е. нашей жизни*) въ безсмысли, лжи и развратѣ“ *)?

Тутъ насъ должна изумлять и радовать сила, съ которою дѣйствуетъ проповѣдь, но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ объясняется, отчего всѣ пустились защищаться отъ нея, и защищаются какъ попало и чѣмъ попало. Страннѣе же всего и почти невѣроятнo тутъ одно явленіе: какимъ образомъ люди ученые, обладающіе духовнымъ просвѣщеніемъ, не видятъ настоящихъ основаній этой проповѣди, или даже находятъ въ ней *совершенное отсутствіе основаній*? Почему отъ нихъ совершенно укрылся христіанскій характеръ этой проповѣди, тогда какъ онъ выступаетъ въ ней повсюду, въ чертахъ яркихъ, выпуклыхъ, даже преувеличенныхъ? Чтобы отвѣчать на это, остается одно предположеніе: должно-быть никому

*) *Вопросы Философіи и Психологіи*, кн. 4-я, стр. 93, статья П. Е. Астафьева.

уже не знакомъ истинный духъ христіанскаго нравоученія; должно-быть онъ сталъ очень далекъ отъ мыслей даже людей очень ученыхъ и просвѣщенныхъ. И таково дѣйствительное объясненіе дѣла: другой духъ завладѣлъ нашимъ просвѣщеніемъ, и мы, теперешніе просвѣщенные люди, не только не слѣдуемъ Христу, но и перестали понимать, чему онъ училъ.

Надъ Толстымъ иногда подсмѣиваются за то, что, рассказывая о своихъ поискахъ за истинною нравственностію, онъ выражается съ большою живостию, какъ будто онъ первый нашель отвѣты на вопросы, которые старался разрѣшить. Если бы мы оглянулись на себя, то мы перестали бы смѣяться; среди насъ Толстой, конечно, былъ бы правъ, сказавъ, что именно *онъ открылъ* настоящій духъ Христова нравоученія.

VI.

Судить о христіанскомъ нравоученіи вовсе не легко для тѣхъ, кто попалъ въ потокъ современнаго образованія и никогда не выходилъ изъ него. Вся наша жизнь построена на другихъ началахъ. Но духъ этого ученія, возникшій двѣ тысячи лѣтъ назадъ, еще дѣйствуетъ во всемъ мірѣ и прошель черезъ долгую исторію, въ которой раскрывалъ себя въ различныхъ направленіяхъ, выражался въ жизни и мысли длиннаго ряда поколѣній, воплощался во множествѣ разнообразныхъ лицъ, часто несравненныхъ по высотѣ души и всякимъ достоинствамъ. Все это, весь этотъ міръ—и прошлый, и настоящій—остается намъ чуждымъ, мы прикасаемся къ нему только внѣшнимъ образомъ и не имѣемъ понятія о томъ, какъ онъ огроменъ и что онъ въ себѣ содержитъ. Замѣчательно, что до сихъ поръ объемъ того, что пишется и печатается по части религіи, т.-е. по части богословія, исторіи христіанства, христіанскихъ наставленій и размышленій, толкованій Библии, споровъ, рассказовъ и др., во всѣхъ странахъ объемъ этой литературы далеко превосходитъ объемъ всякой другой области писанія и печатанія. Но эта духовная сфера какъ будто отдѣлена отъ насъ высокою

стѣнной и не малою долей не входитъ въ колею нашихъ привычныхъ ежедневныхъ чтеній, мыслей и разговоровъ. Туда намъ нужно заглянуть, тамъ искать поученія и точекъ опоры, если желаемъ имѣть какія-нибудь основанія для сужденія о Толстомъ.

Духъ христіанскаго нравоученія есть нѣчто глубокое и живое, есть нѣкоторый поворотъ всей человѣческой души въ сторону вѣчности. Онъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка и, живя въ немъ, стремится измѣнить всѣ его склонности и дѣйствія, кладетъ свою печать на всѣ движенія ума и сердца. И онъ всегда себѣ вѣренъ; въ различныхъ людяхъ и въ различныхъ обстоятельствахъ онъ даетъ все тѣ же различныя развитія и уклоненія. Онъ есть нѣкоторая жизнь, высшая жизнь нашей души, и, какъ жизнь, онъ вѣчно тотъ же, и вѣчно новъ и свѣжъ. Поэтому, если взяты любое изъ наставленій Толстого, любую изъ его мыслей, относящихся къ нравоученію, то всегда можно найти эту мысль или близкую къ ней въ одномъ изъ ученій, возникавшихъ на почвѣ христіанства. И въ предѣлахъ церкви, и за ея предѣлами одинъ и тотъ же духъ принималъ множество видоизмѣненій. Секты были обыкновенно только болѣе рѣзкими и крайними изъ этихъ видоизмѣненій. Такимъ образомъ отъ самаго начала христіанской исторіи и до нашего времени идетъ непрерывный рядъ и такихъ ученій, въ которыхъ на первое мѣсто ставилась практика святой жизни, осуществленіе нравственныхъ идеаловъ. Послѣдователи этихъ мирныхъ и чистыхъ ученій всегда внушали къ себѣ невольное уваженіе, и многіе стали для всего міра образцами, типами нравственныхъ достоинствъ. Монахъ, подвижникъ, гернгутерь, квакеръ—эти слова сдѣлались нарицательными, стали общимъ названіемъ для обозначенія исповѣднаго поведенія, извѣстныхъ добрыхъ качествъ.

Вотъ въ какой области нужно искать наиболѣе близкихъ аналогій для проповѣди Толстого. Онъ приходитъ часто къ заключеніямъ, которыя уже давно выведены. Это обыкновенно не понимаютъ и не знаютъ его порицатели; они иног-

да считаютъ личными его фантазіями, осмѣиваютъ и презираютъ то, подъ чѣмъ охотно подписались бы христіанскія свѣтила давняго или новаго времени.

Никакъ не слѣдуетъ, однако же, думать, что рѣчи Толстого составляютъ какое-нибудь подражаніе или повтореніе стараго. Удивительная сила этой проповѣди зависитъ именно отъ ея чрезвычайной самобытности. Самобытность вѣдь не всегда состоитъ въ новости предмета; высшая оригинальность, конечно, заключается въ глубинѣ и полнотѣ, съ которою писатель проникаетъ въ какое-нибудь всегдашнее, вѣчное начало человѣческой души. Наставленія Толстого представляютъ полное своеобразіе; они движутся по своимъ особымъ путямъ, захватываютъ особыя сферы чувствъ и предметовъ и освѣщаютъ ихъ съ особыхъ сторонъ. Ибо это живая, искренняя рѣчь человѣка, откровеніе его сердца, живущаго тѣмъ самымъ, что онъ говоритъ. Тутъ все новое, потому что все живое. Вполнѣ характеризовать его направленіе было бы, я думаю, не легко. Въ самыхъ первыхъ его художественныхъ произведеніяхъ уже сильно высказываются его христіанскіе инстинкты. Въ *Дитяत्वъ* юродивый Гриша и нянюшка Наталья Савишна описаны съ сочувствіемъ, къ которому не примѣшивается ни единой нарушающей черты. Въ самомъ центрѣ *Войны и мира* помѣщена фигура Платона Каратаева и его рассказъ о безвинно пострадавшемъ купцѣ,—тотъ рассказъ, который, какъ говорятъ, особенно полюбился народу, когда былъ изданъ отдѣльно. *Анна Каренина* оканчивается обѣтомъ Левина „жить по божьему“. Мы напоминаемъ здѣсь только двѣ-три точки; но имъ соотвѣтствуетъ весь духъ этихъ произведеній: безпощадное обличеніе всякой фальши, всякой душевной нечистоты; постоянное преклоненіе предъ „простотой, добромъ и правдой“. Невозможно представить себѣ вкуса болѣе чистаго и болѣе тонкаго, чѣмъ тотъ, съ какимъ проводится вездѣ черта между дурнымъ и хорошимъ, между душевнымъ безобразіемъ и душевною красотой. И красотой признается только одно смиренное и безкорыстное, только цѣломудренное и само-

отверженное, только искреннее и любящее. При этомъ художникъ чуждъ всякой восторженности и сентиментальности, всякихъ порывовъ и преувеличений; напротивъ, онъ ведетъ дѣло съ неподкупною трезвостью взгляда, съ необывальною остротой анализа, какъ человѣкъ, всѣми силами ума ищущій истины и ненавидящій обольщеніе. Такъ составился въ его душѣ неотразимый идеаль нравственной жизни, больше всего почерпнутый изъ душевнаго склада простого народа, и когда потомъ поднялись въ немъ религіозные запросы, онъ скоро понялъ, что это идеаль христіанскій, и сталъ изучать его въ Евангелии и выражать въ своихъ разсужденіяхъ.

Мы не будемъ здѣсь пытаться полнѣе опредѣлить особенности нравоученія Толстого, которыя легче чувствовать, чѣмъ высказать; скажемъ лишь вообще, что писанія его чрезвычайно поучительны, представляютъ множество чертъ своеобразнаго склада нравственныхъ понятій, притомъ тако-го, который особенно привлекателенъ для русскаго чувства.

VII.

Итакъ, у насъ явился христіанскій нравоучитель. Какая радость! Осуждая его за то, что онъ впадаетъ въ ересь, нужно же помнить, что, во-первыхъ, онъ все-таки человѣкъ религіозный, слѣдовательно несравненно ближе къ правильно вѣрующимъ и несравненно лучше той безчисленной толпы, которая отвергаетъ всякую редигію, которая питаетъ къ ней презрѣніе и ненависть. А во-вторыхъ, что значить вся его ересь сравнительно съ тѣми ужасными ученіями, которыя у насъ такъ распространены и дѣйствіе которыхъ еще недавно изумляло весь міръ и заставляло содрогаться Россію, какъ будто она готова была разрушиться?

Если мы, вообще, взглянемъ на наше умственное развитіе, на тѣ идеи, которыя жили и господствовали въ нашихъ образованныхъ классахъ, то мы должны будемъ признать Толстого явленіемъ и радостнымъ, и совершенно неожиданнымъ. Наше просвѣщеніе, по нѣкоторому неизбѣжному

ходу вещей, получило общій характеръ отрицанія,—фактъ извѣстный, давно и часто обсуждавшійся. Укажемъ на тѣ два разряда людей, которыхъ нужно считать лучшими образчиками нашего просвѣщенія, его наиболѣе послѣдовательными носителями. Однихъ можно назвать анархистами, потому что принципъ ихъ — произволь индивидуальнаго чело-вѣка; слѣдовательно, отрицаніе всякихъ началъ нравственныхъ, общественныхъ, государственныхъ, экономическихъ, какъ стѣсняющихъ индивидуальный произволь. Эти люди признаютъ только одно начало,—равноправность всѣхъ произволовъ; видятъ въ этой равноправности единственное общее благо и потому исповѣдуютъ политическій радикализмъ, т.-е. считаютъ долгомъ разрушать всякую власть, всякую связь между людьми, идущую дальше полюбовныхъ соглашеній. Такова обыкновенная, торная дорога нашего просвѣщенія. Отсюда непрерывное раздраженіе, постоянныя колебанія въ частной и въ общей жизни. По этой дорогѣ идетъ главная масса нашихъ образованныхъ классовъ, и только внутреннія тайныя силы, только незаглушимыя инстинкты удерживаютъ большинство отъ крайнихъ ходовъ, на которые толкаютъ его сознательныя его понятія.

Но есть другой разрядъ просвѣщенныхъ людей, въ сущности гораздо худшій, хотя менѣ замѣтный. Они вполне заслуживаютъ имени нигилистовъ, потому что дѣйствительно ничего не признаютъ, кромѣ себя и своихъ наслажденій. Они ни съ чѣмъ не борются, а только всѣмъ пользуются. Для нихъ религія, государство, патриотизмъ,—чистые предразсудки, но предразсудки, удобные и необходимые для ихъ спокойствія и благосостоянія. Они бываютъ часто безукоризненно честны, приличны и даже справедливы, но только потому, что это наилучшія условія для пріятнаго общежитія, которыя глупо было бы нарушать. Но гдѣ можно, тамъ они такіе деспоты, распутники и эгоисты, какихъ еще міръ не создавалъ. И понятно, что эти истинные нигилисты—великіе враги не только анархистовъ, но и всякаго, кто вздумаетъ тревожить ихъ совѣсть серьезными требованіями.

Вотъ среди какой атмосферы возникъ Толстой. Полное отсутствіе всякой религіозности, у лучшихъ—злоба, у худшихъ—гниль, и нигдѣ просвѣта среди этого мрака. Казалось бы, ревнители вѣры должны были съ ужасомъ и сокрушеніемъ смотрѣть на такой ходъ умовъ, продолжавшійся многіе годы и десятилѣтія, и Толстой долженъ былъ ихъ обрадовать, какъ неожиданно появившаяся заря. Между тѣмъ, если судить по многимъ ихъ рѣчамъ и заявленіямъ, можно подумать, что они равнодушно сносили тьму и хаосъ нашего образованнаго міра, и что эта поднявшаяся заря вызвала у нихъ только раздраженіе, а не сочувствіе. Они вооружились противъ Толстого съ большимъ жаромъ, чѣмъ когда-нибудь вооружались противъ самыхъ жестокихъ отрицателей и вольнодумцевъ. Они вовсе не замѣчаютъ, что, опровергая его, они большею частію противорѣчатъ сами себѣ. Толстой сталъ проповѣдывать преданность волѣ Божіей, нестяжаніе, воздержаніе, непротивленіе; случалось, однако же, что даже иноки нисколько не радовались этой защитѣ обѣтовъ, ими самими даваемыхъ и соблюдаемыхъ, а, напротивъ, находили тутъ преувеличеніе и даже клевету на мірскую жизнь.

Споры и нападенія, какъ борьба убѣжденій, какъ знакъ живой любви къ предмету, есть хорошее дѣло. Понятно, что духовныя лица, глубоко заинтересованныя ученіями вѣры и нравственности, съ такою ревностію выступили со своими сужденіями, когда вопросъ коснулся важнѣйшаго ихъ дѣла. Но очень жаль, что они не всегда ясно видятъ общее положеніе обстоятельствъ, среди которыхъ дѣйствуютъ. Если бы Толстой принадлежалъ какъ-нибудь къ церковной іерархіи и вдругъ отступилъ отъ правильнаго ученія и старался увлечь своими толкованіями лицъ, принадлежащихъ къ хранителямъ этого ученія, то, конечно, тутъ была бы возможность вреда, противъ которой нужно бы было вооружиться. Если бы Толстой обратился къ простому народу съ проповѣдью какихъ-нибудь новшествъ въ вѣрѣ, то нужно было бы тоже внимательно стоять на-сторожѣ. Но вѣдь ни

того, ни другого сказать нельзя. Онъ не принадлежитъ къ этимъ сферамъ, онъ не изъ нихъ вышелъ и не въ нихъ дѣйствуетъ. Онъ литераторъ, т.-е. писатель такъ называемыхъ образованныхъ классовъ; онъ вышелъ изъ нашего свѣтскаго просвѣщенія и дѣйствуетъ своими писаніями въ той сферѣ, гдѣ имѣетъ силу и значеніе свѣтская литература. Для духовныхъ лицъ онъ постороннее явленіе, сколько видно, не могущее производить на нихъ никакого дѣйствія; для простого народа его рассказы составляютъ только подтвержденіе вѣрованій и понятій, въ которыхъ этотъ народъ издавна растетъ. Но для литературы и литературной публики онъ есть нѣчто истинно новое, и тутъ происходитъ его вліяніе удивительное по обширности и силѣ.

Возьмите же, теперь, содержаніе и свойство этого вліянія, сообразите, до какой степени среда, гдѣ это вліяніе дѣйствуетъ, была искажена и обезсилена въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, какія чудовищныя извращенія душъ она порождала, какъ была чужда всякой религіозности,—и вы увидите, что Толстой есть явленіе, на которое можно только дивиться и радоваться. Наше умственное движеніе, которому грозила жалкая участь все больше мелѣть и все шире расплываться мелкими потоками матеріализма и революціонализма, вдругъ получило неожиданный поворотъ, лавшій ему иное, глубокое теченіе и истинно отрадный по тому духу, которымъ онъ внушенъ. Не только у насъ, но во всѣхъ образованныхъ странахъ, запуганныхъ нашимъ нигилизмомъ, невольно обратилось вниманіе на этотъ поворотъ и уже не съ чувствомъ страха и отвращенія, а съ чувствомъ любви и умиленія.

VIII.

Но какъ же это могло случиться? Не есть-ли вся эта исторія—пустое поверхностное волненіе, въ которомъ нѣтъ связи между движеніями, и они несутся то въ ту, то въ другую сторону, смотря по прихоти вѣтра? Нѣтъ, самые размѣры дѣла уже такъ крупны, что нельзя думать подобнымъ

образомъ. Всматриваясь въ различныя формы, которыя принимало и принимаетъ волненіе нашей „интеллигенціи“, мы увидимъ, что источникъ этихъ движеній всегда одинъ. Интеллигенція мечется, потому что она оторвана отъ почвы, что у нея нѣтъ твердыхъ опоръ для спокойнаго движенія по опредѣленнымъ направлѣніямъ, и она постоянно ищетъ этихъ опоръ, она гонится за ихъ призраками, и гонится искренно, и горячо, жертвуя всѣмъ, ломая все, часто рискуя и своею, и чужою жизнью. Съ этой стороны, если взять эту существенную черту дѣла, осудить нашу интеллигенцію невозможно. Что же ей дѣлать, если, отбившись отъ своего народа и его вѣры, она повисла на воздухѣ? Если просвѣщеніе, почерпаемое съ Запада, не даетъ ей покоя и устойчиваго положенія, а приноситъ съ собою только тревогу и раздраженіе?

Русское племя—да, кажется, и всякое славянское—чрезвычайно расположено къ умствованію. Вопросы о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ всегда находятъ себѣ у насъ ревностныхъ рѣшителей. Обыкновенно наше образованіе, а равно и научное подготовленіе, притупляетъ, отбиваетъ этотъ вкусъ къ общимъ философскимъ вопросамъ; но онъ часто обнаруживается у простыхъ людей, да пробивается и у всякихъ, какъ неизгладимый слѣдъ того религіознаго отношенія къ жизни, которое внушается христіанствомъ. Знать цѣль человѣка, знать смыслъ жизни—это желаніе въ насъ не угасаетъ, и вмѣстѣ не угасаетъ расположеніе ни передъ чѣмъ не остановиться, все бросить ради этой цѣли и этого смысла. Отсюда наша неустойчивость; надъ нами не имѣютъ прочной власти, не могутъ связать и поработить насъ никакія лишенія и блага, такъ какъ мы всегда пытаемся стать выше ихъ.

По сущности своей это, безъ сомнѣнія, прекрасное строеніе, но оно тѣмъ опаснѣе и уродливѣе, когда бываетъ направлено въ дурную сторону. Таковъ былъ и есть нашъ нигилизмъ; радикальное излѣченіе отъ этого зла, очевидно, возможно лишь тогда, если мы самую силу, его порождаю-

шую, обратимъ въ добрую сторону. И это сдѣлалъ Толстой, и въ этомъ разгадка удивительнаго поворота умовъ.

Для поясненія сошлемся на замѣчания, которыя недавно высказалъ одинъ ученый иностранецъ, взглянувшій на дѣло съ особой точки зрѣнія.

Французскій политико-экономъ Сень-Роменъ пишетъ, что у насъ, въ Россіи, молодые люди слишкомъ мало расположены „искать обезпеченной и почтенной жизни въ какомъ-нибудь ремеслѣ или искусствѣ“, что русскіе, вообще, „имѣютъ рѣзко проявляющійся вкусъ къ отвлеченностямъ и мечтаніямъ“, и отъ этого вышло вотъ что: „Въ то время, когда міръ стремится по пути матеріальнаго прогресса, нашъ реформаторъ, графъ Л. Толстой, съ великолѣпною наивностью садится себѣ на краю дороги и приглашаетъ проходящихъ приѣсть около, покинуть промышленный трудъ и заняться самою простою, первобытною обработкой своего клочка земли. Понятно,—воскликаетъ Сень-Роменъ,—онъ оставливаетъ только тѣхъ, у кого нѣтъ силъ идти, хромыхъ да лѣнливыхъ. Крѣпкіе проходятъ, даже не взглянувъ на него“ *).

Вотъ какъ представляется эта исторія тому, кто смотритъ на нее съ точки зрѣнія чисто земныхъ благъ, „жизни міра“, какъ выражается Л. Н. Толстой. Французскій ученый думаетъ, что „обезпеченная и почтенная жизнь“ есть благо, котораго каждый долженъ желать, что ради этого блага нужно отгонять отъ себя всякія „отвлеченности и мечтанія“, и что молодые люди, одаренные свѣжими силами и жаждой дѣятельности, непременно должны выходить на „путь матеріальнаго прогресса, по которому стремится міръ“ въ настоящее время.

Эти совѣты, безъ сомнѣнія, благожелательны, но сейчасъ видно, что они берутъ дѣло не вполне, и потому не могутъ на всѣхъ подѣйствовать. Есть люди, которые ставятъ на первомъ мѣстѣ не то, чтобы жизнь ихъ была „обезпечена и

* Русск.: *Обозр.* 1890, декабрь, стр. 892, 894, 896. (Статья Сень-Ромена *Les réformateurs russes* явилась въ *La science sociale* 1890, t. X. 1. 3).

почтенна“, а то, чтобы она была самоотверженна или, по крайней мѣрѣ, совершенно чиста и справедлива. Точно такъ же иные не находятъ ничего привлекательнаго въ томъ, чтобы идти по пути матеріальнаго прогресса и ему содѣйствовать,—напротивъ, готовы на труды и жертвы для прогресса нравственнаго. Осудить такихъ людей мы никакъ не можемъ, и нужно бы было даже считать великимъ горемъ, если бы они стали у насъ исчезать.

IX.

Удивительнаго въ наставленіяхъ Толстого нѣтъ ничего. „Помилуйте!—говорилъ намъ одинъ почтенный человѣкъ, сердившійся на упадокъ ума и творчества Толстого:—онъ пустился теперь въ ту самую мораль, которую знаетъ и можетъ проповѣдывать каждый пономарь!“ Удивительно и истинно чудесно то, что эти наставленія подѣйствовали, что эта „пономарская мораль“ вдругъ обнаружила такую силу въ той средѣ, въ которой прежде была встрѣчаема только скукой и презрѣніемъ. Уже съ давняго времени на нашу интеллигенцію не имѣли никакого дѣйствія ни простой народъ, ни духовныя лица. Народъ не могъ имѣть дѣйствія потому, что просвѣщенные люди ставили себя далеко выше его и все мечтали только о томъ, чтобы просвѣтить и облагородить эту темную массу. Духовныя лица были безсильны потому, что ихъ мысли и рѣчи также не входили въ общеніе, не сливались съ понятіями и взглядами нашего просвѣщенія, какъ масло не сливается съ водою. Толстой сдѣлалъ нѣчто, повидимому, невозможное: онъ добылъ изъ какой-то глубины живую воду, съ которою могутъ сливаться и наша обыкновенная вода, и наше обыкновенное масло. Если вспомнимъ, что онъ никогда прежде не былъ любимцемъ молодого поколѣнія и что онъ сталъ рѣзко противорѣчить самымъ распространеннымъ его стремленіямъ, то насъ поразитъ жизненность мысли, которая нашла себѣ отзывъ, не смотря на эти препятствія.

И странно было бы не радоваться этому дѣйствию. Ог-

ромное и благотворное значеніе дѣятельности Толстого иногда было признаваемо даже духовными писателями, т. е. тѣми, чьи сужденія въ этомъ дѣлѣ всего строже и неуступчивѣе. Приведемъ нѣсколько словъ, сказанныхъ года четыре назадъ въ журналѣ *Странникъ*. Авторъ доказываетъ, что со времени освобожденія крестьянъ умственное движеніе въ нашемъ обществѣ, не смотря на свою порывистость и хаотичность, все же дѣлало успѣхи, что въ обществѣ есть память извѣстныхъ уроковъ, созрѣли нѣкоторыя мысли, и потомъ говорить:

„Хотите-ли убѣдиться въ этомъ наглядно? Вотъ вамъ новѣйшій случай: стоило графу Л. Н. Толстому выступить съ опытомъ, такъ сказать, *духовной* социологіи, какъ и весь *міръ* за нимъ двинулся,—двинулась не только масса (мы можемъ утвердительно говорить объ этомъ), но двинулась и наша интеллигенція. И думаете-ли вы, что это одно изъ *модныхъ*, въ старомъ смыслѣ, теченій, вызванныхъ къ жизни случайнымъ потокомъ времени и, къ тому же, усиленныхъ классическимъ именемъ самого писателя? Но это едва-ли такъ: имя, конечно, именемъ, какъ и талантъ—талантомъ, но есть тутъ *остатокъ*, который покрываетъ собою талантъ и имя. Остатокъ—въ томъ, что Толстой не только наилучшимъ образомъ пояснилъ самую мысль 19 февраля, около которой бродило общество, опредѣливъ эту мысль не въ моментъ *политическомъ*, что по существу легкомысленно и поверхностно, и за что, однако же, все время цѣплялось общество, а въ смыслѣ *соціальномъ*, что неизмѣримо глубже и достойнѣе освободительнаго начала,—но и въ томъ, что этой же мысли онъ придавъ оттънокъ *духовный*, оттънокъ внутренней, нравственный, поставивъ вопросъ о *правдѣ*, о смыслѣ личной и общей жизни, о переустройствѣ самаго общежитія... И въ этой мысли—успѣхъ Толстого, и здѣсь же, если брать *только* одинъ моментъ,—его безспорная заслуга предъ самимъ обществомъ“.

Затѣмъ авторъ утверждаетъ, что обществу теперь „остаётся сдѣлать *одинъ* шагъ“, чтобы „начать новый періодъ су-

ществованія“, именно нужно „перейти къ другой мысли“ и признать двѣ вещи:

1) что необходима *до конца* реформа его *понятій* (въ параллель великой внѣшней свободѣ) и

2) что *реформу* своихъ понятій оно можетъ взять *только* въ „*началахъ христіанства и въ понятіи самой церкви*“*).

Вотъ изложеніе смысла дѣятельности Толстого, которое въ общихъ и главныхъ чертахъ, безъ сомнѣнія, совершенно вѣрно. Дѣйствительно, эта дѣятельность была не случайна, а составляетъ выходъ изъ того напряженнаго исканія и броженія, въ которомъ были умы; дѣйствительно, величайшая заслуга этой дѣятельности состоитъ въ ея *духовномъ* характерѣ, т.-е. въ томъ, что она углубилась до самаго корня дѣла, до вѣчныхъ началъ нашей жизни. Только этимъ объясняется ея успѣхъ; измученныя души, страдавшія долгіе годы или нравственною пустотой, или незаживающею язвой враждебныхъ чувствъ, вдругъ нашли себѣ успокоеніе, и нигилистъ, чинившій бомбы, съ радостію обратился въ исповѣдника непротивленія.

Если взять влияніе Толстого въ полномъ объемѣ этого влиянія, то нельзя не видѣть его добрыхъ слѣдствій, и едва ли можно отыскать какія-нибудь вредныя, хотя вредъ сопровождаетъ обыкновенно и наилучшія изъ человѣческихъ дѣлъ. Благодаря Толстому, вездѣ, во всѣхъ слояхъ образованнаго общества поднялись вопросы нравственности и религіи, т.-е. возникъ такой интересъ, который глубоко спалъ и, казалось, былъ погребенъ навѣки. Какъ этому не радоваться! Люди, для которыхъ церковная проповѣдь не имѣла никакого значенія, которые жили одними приличіями, выгодами и удовольствіями, или же только злобились, не находя для себя другихъ мыслей и другого дѣла, кромѣ вражды къ окружающему ихъ строю жизни, эти люди вдругъ почувствовали въ себѣ пробужденіе религіозныхъ идей, пробужденіе совѣсти, поняли, до какой степени они были не-

*) *Странникъ*, духовный журналъ, 1886, декабрь, стр. 711, 712.

правы предъ своею душою и предъ ближними,—и это ихъ умиротворило, подняло, оживило.

И это не у насъ только, въ Россіи,—благодѣтельное вліяніе нашего великаго писателя отзывается и у другихъ народовъ, въ странахъ давняго образованія. Вотъ что писалъ М. Воюэ въ началѣ прошлаго года въ *Письмахъ о современномъ положеніи Франціи*:

„Среди высшей культуры, среди молодежи вполне образованной и сознательно относящейся къ самой себѣ, переменна въ настроеніи умовъ поразительна; ее можно резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ: пробужденіе идеализма, доказанное вкусами и первыми произведеніями этой молодежи въ литературѣ, философіи и искусствѣ; широкая терпимость и даже живая симпатія ко всѣмъ формамъ религиозной идеи; серьезное исканіе смысла жизни, возрастающій интересъ къ религиознымъ вопросамъ, большое равнодушіе и даже нѣкоторое презрѣніе къ чистой политикѣ; безусловная потребность искренности въ отношеніи къ самому себѣ и другимъ, а потому несомнѣнное отчужденіе отъ революціонныхъ догматовъ и отъ условныхъ фразъ, которыми вотъ уже столѣтіе обольщаютъ нашу страну“. „Распространеніе русской литературы играетъ значительную роль въ этомъ новомъ теченіи. Когда спрашиваютъ у самыхъ выдающихся изъ этихъ молодыхъ людей, какая книга имъ больше всего по душѣ, многіе отвѣчаютъ: *Война и миръ*“ *).

Воюэ говоритъ здѣсь вообще объ умственномъ движеніи во Франціи и характеризуетъ настроеніе избранной части молодежи, именно той, которая подаетъ надежду духовнаго обновленія. Читатель легко увидитъ, какія изъ чертъ этого настроенія были поддержаны или даже возбуждены Толстымъ, котораго такъ хорошо истолковалъ своимъ соотечественникамъ самъ же Воюэ **).

*) *Русское Обозрѣніе*. 1890, мартъ, стр. 387.

**) См. Vogüé: *Le roman russe*, Par. 1886, стр. 279—340. Также мою книгу: *Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ*, изд. 2, Спб. 1887, стр. 458—484.

Мы видимъ изъ этого, что французы радуются доброму вліянію Толстого и можемъ только желать, чтобы и у насъ усиливалось и распространялось это вліяніе.

X.

Нужно сказать хоть нѣсколько словъ о томъ вредѣ, на который иногда жалуются, когда говорятъ о наставленіяхъ Толстого. Въ сущности, если вникнемъ хорошенько въ дѣло, то окажется, что это только *обида* для жалующихся, а никакъ не вредъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой же можетъ быть вредъ проповѣди безкорыстія, воздержанія и любви къ ближнему? Но послѣдователи этой проповѣди часто круто измѣняютъ свой образъ жизни, и въ этой-то перемѣнѣ многие находятъ большую бѣду. Иногда они описываютъ ее даже какъ-то трагически: „онъ начитался Толстого, — говорятъ они, — и разрушилъ свою жизнь!“ Истинный смыслъ этой рѣчи такой: ему предстояла прекрасная жизнь, — та жизнь, которую мы сами ведемъ, — и онъ, безумный, отъ нея отказался. Онъ обижаетъ насъ, протестуя противъ этой жизни, показывая на дѣлѣ, что будто бы человекъ не можетъ найти въ ней полного удовлетворенія; но онъ дѣлаетъ худо только себѣ, потому что настоящее счастье можно найти только въ нашей жизни.

Да, конечно, мы недурно устроились; мы все приладили такъ, что безкорыстія у насъ нѣтъ и въ поминѣ, а напротивъ, каждый стремится захватить какъ можно большую долю всякой корысти, что вмѣсто воздержанія у насъ господствуетъ погоня за всевозможными наслажденіями, и что любовь къ ближнему вполне замѣняется строгимъ полицейскимъ порядкомъ и благоустройствомъ. Но, живя такою жизнью, мы должны быть, по крайней мѣрѣ, снисходительны къ невиннымъ чудакамъ, которые не находятъ въ ней вкуса.

Л. Н. Толстой превосходно описалъ намъ нашу жизнь. Облонскіе, Вронскіе, Каренины — это цвѣтъ современнаго строя жизни, со всѣми его прелестями и бѣдами. Мы зачитывались, не понимая, что читаемъ осужденіе самимъ себѣ.

Кажется, что можетъ быть дѣльнѣе Каренина, блистательнѣе Вронскаго, этихъ двухъ образчиковъ петербургскаго міра? Ихъ общественныя положенія принадлежатъ къ лучшимъ и высшимъ положеніямъ, составляютъ предметъ желаній для многихъ и многихъ. Но авторъ безпощадно разоблачилъ намъ образъ чувствъ и мыслей, который сложился въ этихъ людяхъ сообразно съ ихъ жизнью и занятіями, и мы почувствовали жалость и отвращеніе, или, по крайней мѣрѣ, должны были почувствовать. Припомните описаніе иностраннаго принца, который мелькомъ является въ романѣ и къ которому былъ на нѣсколько дней приставленъ Вронскій. „Главная причина, почему принцъ былъ особенно тяжель Вронскому, была та, что онъ невольно видѣлъ въ немъ самого себя. И то, что онъ видѣлъ въ этомъ зеркалѣ, не льстило его самолюбію. «Глупая говядина! неужели я такой?» думалъ онъ“ (*Анна Каренина*, ч. 4 въ началѣ).

Между тѣмъ душевный складъ Вронскаго имѣетъ еще не столько отталкивающихъ чертъ, какъ душевный складъ Каренина. Художникъ вообще изобразилъ весь этотъ міръ съ изумительною нравственною чуткостію. А насъ все пытаются увѣрить, что только въ этой жизни достигается истинное счастье и человѣческое достоинство, и что кто отъ нея отказывается, тотъ „разрушаетъ свою жизнь!“

Самый важный доводъ, который выставляется противъ послѣдователей Толстого, состоитъ въ томъ, что они покидаютъ поприще, на которомъ могли бы принести пользу и удовольствіе обществу и даже государству. Но вѣдь это—предположеніе очень сомнительное. Не вѣрнѣе-ли предположить, что эти люди жили бы только въ свое удовольствіе, или же поступили въ толпу тѣхъ безчисленныхъ конкурентовъ, которыхъ главная цѣль—добиться большого жалованья и всякихъ отличій? Государство въ настоящее время, можно сказать, осаждено со всѣхъ сторонъ все больше и больше нарастающими толпами искателей его денегъ и ранговъ. Между ними идетъ горячее соперничество и, по несчастію, у насъ нѣтъ почти другихъ поприщъ, которыя от

влекали бы къ себѣ осаждающихъ. Какая же надобность усиливать собою ихъ число?

Очевидно, всѣ эти возраженія—однѣ отговорки. Главная причина, по которой раздражаются противъ Толстого, состоитъ въ томъ, что онъ глубоко разошелся съ господствующими нравственными понятіями, что онъ противорѣчитъ своему вѣку въ самыхъ внутреннихъ вопросахъ, всегда наиболѣе дорогихъ человѣку. Вы невольно это почувствуете, если послушаете всѣ порицанія и крики, которымъ онъ подвергается во всемъ мірѣ. Странно даже подумать, что въ концѣ девятнадцатаго вѣка нашлось столько враждующихъ, и горячо враждующихъ, противъ мирнаго писателя и мыслителя. Кажется, мы давно уже привыкли къ самымъ неистовымъ вольнодумствамъ и спокойно ихъ терпимъ; почему же мы вдругъ теряемъ всю нашу просвѣщенную терпимость и готовы почти воздвигнуть гонение на мысли и слова, выходящія изъ Ясной Поляны?

Можно подумать, что это писатель еще небывалой оригинальности, проповѣдующій что-то неслыханно-новое. Да, самобытности въ немъ не мало. Каждая строчка имѣетъ у него странную свѣжесть и новостъ, какъ будто такъ никто не говорилъ и не можетъ говорить, кромѣ него. Но слова его самая обыкновенныя и все содержаніе такъ просто, какъ ни у какого другого писателя. Онъ часто описывалъ, какъ рождаются и умираютъ люди, самые обыкновенные люди. Рассказывалъ также, какъ эти люди охотятся, поютъ, танцуютъ, скучаютъ на праздникахъ, косятъ сѣно, ходятъ въ церковь, исповѣдуются и т. д. Онъ рассказалъ недавно, какъ ревнивый мужъ убилъ жену,—случай вовсе не рѣдкій и бывший предметомъ безчисленныхъ рассказовъ во всѣхъ литературахъ. Но что бы онъ ни рассказывалъ, онъ на все бросаетъ такой яркій и чистый свѣтъ, что намъ кажется, будто мы въ первый разъ увидѣли и поняли самые обыкновенные предметы. Въ этомъ состоитъ самобытность этого художника.

Таковъ онъ и въ своихъ теперешнихъ нравоученіяхъ. Они

удивительны по своей прямотѣ, живости и искренности, такъ что съ большою силою пробуждаютъ любовь и пониманіе тѣхъ глубокихъ душевныхъ потребностей, которыя влекутъ человѣка „жить по-божьи“. И намъ иногда кажется, какъ будто мы въ первый разъ услышали эти требованія. Но взгляните, и вы увидите въ основаніи этой проповѣди все ту же древнюю нравственность, найдете черты христіанскихъ наставленій, которыя натвержены намъ съ дѣтства, но которыя были мертвы въ нашей душѣ и вдругъ воскресли и получили свѣжесть и своеобразіе впервые сознанной истины.

Н. Страховъ.
